

- [Доде Альфонс](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Доде Альфонс

Знаменосец

Альфонс Доде
Знаменосец
Перевод Н. Касаткиной

I

Полк выстроился в боевом порядке на железнодорожной насыпи и служил мишенью для всей прусской армии, сосредоточенной напротив, у леса. Людей расстреливали с восьмидесяти метров. Офицеры кричали: "Ложись!.." Но никто не желал повиноваться; горделивый полк стоят прямо, сплотившись вокруг своего знамени. На широком фоне солнечного заката, пашен и колосющихся нив эта кучка людей, которую заволакивало дымной мглой, напоминала стадо, застигнутое среди поля первыми порывами жестокой бури.

И каким же градом свинца поливало эту насыпь! Только и слышен был треск ружейной пальбы, глухой стук скатывавшихся в ров котелков, да пули протяжно звенели вдоль всего поля битвы, точно натянутые струны зловещего и гулко-инструмента. Время от времени полковое знамя, колыхавшееся над головами от вихря картечи, ныряло в клубы дыма; тогда, покрывая пальбу, стоны и проклятия раненых, раздавался строгий и гордый окрик: "Знамя, ребята, знамя!" И тотчас фигура офицера, точно тень, бросалась вперед в кровавом тумане, и доблестный стяг, ожив, снова взвивался над полем битвы.

Двадцать два раза падало оно!.. Двадцать два раза его дrevко, едва выскользнув из безжизненной руки, кем-то подхваченное, выравнивалось снова, и когда, после захода солнца, горстка людей -- все, что осталось от полка, решила наконец отступить, знамя было уже лоскутом в руке сержанта Орню, двадцать третьего знаменосца за этот день.

II

Сержант Орню был старый вояка, едва умевший подписать свое имя и прослуживший двадцать лет, чтобы заработать унтер-офицерские нашивки. Все злключения ребенка-найденьша, вся тупая муштра казармы запечатлелись на его низком, упрямом лбу, на согнутой от ранца спине, на привычной выправке строевого солдата. К тому же он заикался, но, чтобы быть знаменосцем, красноречия не требуется. Вечером, после сражения,

полковник сказал ему: "Раз знамя у тебя, пусть у тебя и останется". И на его убогую походную шинель, успевшую выцвести от дождя и пороха, маркитантка тотчас же нашла золотой галун подпоручика. Это было единственное торжество за целую долгую смиренную жизнь. Плечи старого солдата разом расправились. Горемыка, приученный гнуть спину и смотреть в землю, теперь шагал приосанившись и глядел вверх на этот обрывок материи, стараясь держать его как можно прямее, как можно выше, - над смертью, над изменой, над поражением.

Не было человека счастливее Орню, когда он в разгар сражения обеими руками держал древко, прочно всаженное в кожаный наконечник. Он не произносил ни слова, не шевелился, он был важен, как жрец, держащий в руке священный сосуд. Вся жизнь его, вся сила были в пальцах, что сжимали чудесный золоченый лоскут, на который сыпались пули, да еще в глазах, с вызовом глядевших прямо в лицо пруссакам, и как бы говоривших: "Попытайтесь-ка отнять его у меня!.."

Никто не пытался, даже сама смерть. Из самых смертоубийственных сражений при Борни, при Гравелоте знамя выходило изрубленным, продырявленным, сквозным от ран, но нес его неизменно старик Орню.

III

Затем настал сентябрь... Армия под Мецем, окружение и долгая стоянка в грязи, где пушки ржавели, где лучшие в мире войска, деморализованные бездействием, неизвестностью, отсутствием пищи, погибали от лихорадки и тоски подле своих орудий. Ни командиры, ни солдаты ни на что больше не надеялись; один Орню не терял веры. Трехцветное полотнище заменяло ему все, и пока старый солдат знал, что оно тут, рядом, он считал, что ничего не погибло. На беду, так как сражений больше не было, полковник держал знамя у себя, в одном из предместий Меца; и несчастный Орню был вроде матери, чей ребенок отдан в чужие руки. Он неустанно думал о знамени. И вот, когда тоска совсем заедала его, он, не переводя духа, спешил в Мец и, удостоверившись, что оно стоит спокойно на прежнем месте у стены, возвращался, набравшись мужества и терпения, неся под промокшим плащом мечты о битвах, о наступлении, о том, чтобы трехцветное полотнище, развернутое во всю ширь, развевалось над прусскими траншеями.

Приказ по войскам маршала Базена[1] положил конец этим иллюзиям. Проснувшись однажды утром, Орню увидел, что весь лагерь в движении, солдаты собираются кучками, волнуются, раззадоривают друг друга гневными выкриками, грозят кулаками в сторону города, как бы указывая на виновника своего гнева. Раздавались возгласы: "Долой его!.."

Расстрелять!.." И офицеры не останавливали солдат... Они прохаживались в сторонке, потупив головы, словно стыдясь своих людей. И в самом деле, разве не стыдно было прочесть полуторастатысячной армии прекрасно вооруженных, вполне боеспособных солдат приказ маршала о сдаче врагу без боя?

- А знамена? -- побледнев, спросил Орню.

- Знамена должны быть сданы, как и все прочее: ружья, остатки обоза - словом, все...

- Раз-раз-рази их гром! -- заикаясь, произнес бедняга Орню. -- Моего-то им не видать. -- И пустился бежать в город.

IV

Там уже царило большое волнение. Национальные гвардейцы, мобили, горожане роптали, возмущались. Дрожа от страха, шли к маршалу депутации. Но Орню ничего не видел, ничего не слышал. Он шагал по улице и ворчал:

- Отнять у меня знамя!.. Как бы не так! Как он смеет? Кто ему позволит? Пускай отдает пруссакам свое собственное добро, золоченые кареты и дорогую посуду из Мексики! А это -- мое... В нем -- моя честь. К нему я не позволю прикоснуться.

Старик бросал эти отрывистые слова, заикаясь и задыхаясь от быстрой ходьбы; но мысль у него была вполне определенная, вполне ясная: выкрасть знамя, унести его в полк и прорваться сквозь ряды пруссаков вместе со всеми, кто захочет последовать за ним.

Когда он пришел, его даже не впустили. Полковник сам был в бешенстве и никого не желал видеть... Но Орню стоял на своем. Он ругался, орал, отталкивал вестового:

- Где мое знамя? Дайте сюда мое знамя!..

В конце концов одно из окон распахнулось:

- Это ты, Орню?

- Да, господин полковник, мне бы...

- Все знамена в арсенале... ступай туда, тебе дадут расписку...

- Расписку?.. А на что мне расписка?

- Таков приказ маршала...

- Так я же...

- Убирайся к черту! -- И окно захлопнулось.

Старик Орню зашатался, как пьяный.

- Расписка... расписка... -- машинально бормотал он.

Наконец он снова пустился в путь, помня только одно: знамя в арсенале, и надо его оттуда вызволить во что бы то ни стало.

V

Ворота арсенала были распахнуты настежь, в них въезжали прусские повозки и выстраивались среди двора. Войдя, Орню затрепетал. Остальные знаменосцы, пятьдесят или шестьдесят офицеров, уже стояли тут, скорбные, молчаливые; и эти мрачные фургоны под дождем и эти люди с обнаженными головами позади них -- все напоминало похороны...

В углу двора на грязных плитах были свалены грудой все знамена армии Базена. Какое грустное зрелище представляли эти лоскутья яркого шелка, эти обрывки золотой бахромы, обломки резного древка, все эти атрибуты славы, брошенные наземь, мокрые, забрызганные грязью! Кто-то из военных чиновников брал их одно за другим, и каждый знаменосец, когда называли его полк, подходил за распиской. Двое пруссаков-офицеров, надменных и невозмутимых, наблюдали за погрузкой.

Итак, вы уходили прочь, священные лохмотья славы, зияя дырами, печально волочась по камням, точно птицы с поломанными крыльями. Вы уходили прочь, внушая стыд, как все прекрасное, когда его марают, и каждое из вас уносило с собой частицу Франции. Солнце дальних походов укрылось среди ваших линялых складок. В следах от пуль вы сберегли память о безвестных мертвецах, павших под стягом, в который метили враги...

- Орню, твой черед... Тебя зовут, иди же за распиской!..

- Какая там расписка?!

Знамя было перед ним. Да, это было его знамя, самое прекрасное, самое истерзанное... При виде его старому солдату почудилось, будто он все еще стоит на высокой насыпи, пули звенят, громят пушки, и слышится голос полковника: "Знамя, ребята!.."

Двадцать два его товарища лежат на земле, а сам он, двадцать третий, бросается, чтобы поднять, поддержать злосчастное знамя, которое шатается без опоры. Да, в тот день он поклялся защищать и хранить его до самой смерти. А сейчас...

При этой мысли вся кровь его сердца прихлынула к голове. Как пьяный, как безумный бросился он на прусского офицера, вырвал свой возлюбленный стяг, ухватился за него обеими руками, потом попытался вновь поднять его как можно выше, как можно прямее и закричал: "Знамя, ре..." - но крик застрял у него в горле. Он почувствовал, что древко колеблется, выскальзывает у него из рук. В душном воздухе, в этом воздухе смерти, который тяжким гнетом навис над городами, сданными неприятелю, знамена не в силах были развеяться, ничто благородное не в силах было жить... И старик Орню упал мертвым...

[1] Базен Франсуа (1811-1888) -- маршал Франции; во время франко-прусской войны, командуя армией, окруженной под городом Мецом, изменил родине, вступил в тайные переговоры с Пруссией и сдал в плен боеспособную армию. Был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)